

**КОРОЛИ
ФРАНЦУЗСКОГО
ТРИллЕРА**

МАКСИМ ШАТТАМ

Зов
пустоты

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
Ш29

Maxime Chattam
L'APPEL DU NÉANT

Серия «Короли французского триллера»
Перевод с французского *Марины Бендет*
Оформление обложки *Екатерины Ферез*

Шаттам, Максим.
Ш29 Зов пустоты : [роман] / Максим Шаттам ; [перевод с французского М. Бендет]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Короли французского триллера).

ISBN 978-5-17-115015-0

Не успев оправиться от прошлого дела, лейтенант Парижского отдела жандармерии Лудивина Ванкер с головой окунается в новое расследование. На железнодорожных путях найден труп мужчины без ног и верхней части головы. Все попытки обнаружить ДНК убийцы на теле жертвы оборачиваются провалом — кто-то тщательно вымыл несчастного в хлорке, прежде чем положить его на рельсы. Расследование становится еще более запутанным, когда выясняется, что убитый несколько лет назад обратился в радикальный ислам.

Странные убийства продолжают. Некоторые из них несут на себе почерк кровожадного маньяка, другие похожи на религиозный ритуал. Кажется, у зла появилось новое обличье.

На этот раз Лудивине вместе со своими соратниками, в том числе и из органов контрразведки, предстоит вступить в неравный бой с организацией, чьи методы столь же ужасающи, сколь беспощадны.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-115015-0

© Maxime Chattam, 2017
© Editions Albin Michel, 2017
© Бендет М., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Как и всегда, я писал под музыку и потому советую читать этот роман под звуки таких альбомов:

— Саундтрек Марко Белтрами и Маркуса Трампа к фильму «Враг государства № 1: Легенда».

— Саундтрек Кристофа Лапинты и Фредерика Телье к фильму «Дело СК1».

— Саундтрек Питера Гэбриела к фильму «Последнее искушение Христа».

— Саундтрек Александра Деспла к фильму «Цель номер один».

*Этот роман я посвящаю
нашим силам правопорядка,
нашим учителям
и жертвам.*

Если я чем-то на тебя не похож, я этим во-
все не оскорбляю тебя, а, напротив, одаряю.

*Антуан де Сент-Экзюпери,
«Письмо заложнику»**

...у [него] в голове была щель, через кото-
рую туда проникла нечистая сила, и... она-то
и прикончила его.

*Редьярд Киплинг,
«Рикша-призрак»***

* Перевод с французского Норы Галь. —
*Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев,
прим. пер.*

** Перевод с английского Алексея Шадрина.

У этой девушки было все. Взять хотя бы внешность. В нашем обществе, в котором в первую очередь обращают внимание на внешний вид, она могла бы гордиться тем, что скорее красива. А если присмотреться, то даже очень красива. Фигура как у Барби, средний рост, волосы до плеч рассыпались непослушными прядями, свидетельствуя о мятежности духа их обладательницы. Чудные светлые глаза того оттенка голубого, которым природа окрашивает драгоценные камни. Высокие скулы слегка удлиняли лицо и подчеркивали линию щек, придавая внешности неуловимо славянскую изысканность. Полные губы цвета спелого розового грейпфрута словно стремились отвлечь взгляд от округлостей тела, выточенных регулярными занятиями спортом. Эта внешность словно была создана для соблазнения.

Но в категорию выше средней девушку переводил не только и не столько внешний блеск. Все дело было в том, как она себя держала, в исходившем от нее свечении: она излучала то, что принято называть сумасшедшим обаянием. Ее манера искоса наблюдать за людьми, то, как она улыбалась, не позволяя себе рассмеяться, то, как на щеках у нее вдруг показывались ямочки, выдававшие ее любопытство, плавные движения женщины, хорошо чувствующей себя в своем теле, пленительная сила, читавшаяся во взгляде, — все это порождало необоримую ауру, которой природа одаряет избранных, словно покрывая их глянцевым лаком. Говоря по правде, даже небольшие физические недостатки, имевшиеся у этой девушки, так хорошо вписывались в общую картину, что превращались в трогательные особенности. Так, клыки у нее стояли чуть вкось — как

раз настолько, чтобы сделать улыбку единственной в своем роде, — а вокруг губ виднелся коричневатый след от солнечного ожога, полученного далеким летом: напоминавший крупное родимое пятно, он был чем-то наподобие подписи художника на холсте.

Эта девушка не отличалась широким кругозором, но любила читать, что, наряду с изрядной долей любознательности, позволило ей собрать набор для выживания в интеллектуальной среде, где всякий демонстрирует явную склонность к бахвальству. По ее собственным словам, она обладала лишь весьма средним умом, — однако она гордилась умением делать верные выводы. Все, кто сталкивался с ней в профессиональной сфере, непременно отмечали и даже особо подчеркивали это ее свойство.

У этой девушки, безусловно, имелись и недостатки. Прежде всего издержки молодости, в первую очередь чрезмерная наивность; но кроме того, трагедии и травмы, с которыми ей пришлось столкнуться, подтолкнули ее в итоге к избыточной самозащите — вплоть до попыток благодаря занятиям спортом выковать себе физическую броню, отрезать себя от части переживаний, отгородиться стеной от собственных страхов. Однако в последнее время ей удалось преодолеть тревожность, смириться с тем, что она может страдать. Теперь она полной грудью вдыхала ароматную смесь из радости жизни, чувственности и глубокого понимания себя. Она наконец-то была готова к жизни.

Этой девушке было слегка за тридцать, она еще не знала ни замужества, ни материнства, зато добилась больших успехов в своем деле: коллеги считали ее кто чуть ли не гением, кто странным созданием с пугающим потенциалом в сферах, казавшихся им самим более чем туманными. Она вложила в работу всю себя, и это принесло результат: недавно она достигла той точки равновесия, оказавшись в которой человек осознает, что готов расти дальше. Иными словами, теперь она мечтала состояться в личной жизни, в любви и создать семью.

У этой девушки было все.

Все, кроме самого главного.

Сейчас у нее, запертой в темной клетушке и обездвиженной парами хлороформа, не оставалось никакой надежды на будущее — словно у мушки, бессильно бьющейся в паутине голодного паука.

Человек часто — и ошибочно — полагает, что мрак есть вещь в себе, хотя в действительности это просто отсутствие света. Мрак — это всего лишь нехватка, а если нам все же хочется думать, что он что-то воплощает, то это может быть одна только пустота.

Так, во всяком случае, размышляла молодая женщина, скорчившаяся в углу темной, глухой клетушки. Она подтянула ноги к груди, обхватила их руками, уткнулась подбородком в колени. Хотя ей не светил ни единый лучик света, она знала, что лицо у нее грязное, что на щеках и на лбу засохла земля, что ее тонкая, словно фарфоровая, кожа располосована черной пылью, чувствовала, как падают на плечи светлые пряди волос, потяжелевшие от запутавшейся в них земли, понимала, что ее красота словно растворяется в пустоте ожидания, в тревоге и тьме.

Она провела языком по губам и отметила тонкие трещинки — признак начинающегося обезвоживания. Она вздрогнула и решила списать это на счет холода. Кожу под хлопчатобумажной футболкой с длинными рукавами покрыли мурашки. Как ни удивительно, ей совсем не было страшно. По крайней мере, она не испытывала того глубокого ужаса, который грызет изнутри, парализует, сковывает по рукам и ногам в самый неподходящий момент, который высасывает из человека всякую способность реагировать и связно мыслить, оставляя его безоружным перед лицом опасности. Она почти не двигалась — но лишь для того, чтобы сохранить силы и тепло, производимое ее телом и нагревающее тоненькую прослойку воздуха между одеждой и кожей. Это тепло сейчас было ее самым верным союзником, оно должно было помочь ей продержаться. Как долго? Она не знала, но готовилась к худшему. Ведь именно худшего она и ждала.

«Нет-нет, не говори так! — тут же осекла себя она. — Ты ничего не знаешь! Может быть, это... случайность! Совпадение. Да, вполне возможно, это всего лишь несчастное стечение обстоятельств, и все вскоре разрешится. Все наладится».

Но если она была так в этом уверена, отчего тогда с самого начала делала все, чтобы сбереечь силы? Она словно готовилась бороться за жизнь.

Так велел ей инстинкт. С той самой минуты, когда она очнулась здесь, в этой комнатухе без окон, она знала, что что-то не так, — знала еще прежде, чем вспомнила, что случилось в последние мгновения до того, как она потеряла сознание, и кто на нее напал.

Чего он от нее хочет? Почему именно она? Первые же ответы, пришедшие ей на ум, словно обдали ее ледяным холодом — но она сразу прогнала их. Сейчас ей нельзя думать о том, что события будут развиваться по самому жуткому сценарию. Она действовала постепенно: заставила себя разобрать свои ощущения на составляющие, разложить их по местам и тем самым не дать себе нервничать, не позволить воображению сорваться с цепи, не разрешить страху захлестнуть ее с головой. Она слишком хорошо знала страх, чтобы выпустить его на свободу. Можно сказать, что однажды она уже была его рабыней — и поклялась, что никогда больше не станет ему подчиняться. Сейчас она могла доказать себе, что не нарушит клятву. У нее были для этого душевные силы, закалка и опыт. Все, что ей довелось пережить в жизни, подготовило ее к этому.

Для начала она оценила свое физическое состояние. В целом все неплохо. Нет ни ран, ни серьезных повреждений, только резкая боль в черепе, словно что-то стучит позади глаз: это из-за хлороформа, которым он ее усыпил. У нее всего пара неглубоких царапин. Она не знала, изнасиловал ли он ее — но знала, что не испытывает боли, что джинсы и трусики сидят как обычно, она их вообще не чувствует. Вряд ли он сумел бы так ловко ее раздеть, а затем снова одеть. Нет, ничего такого не было.

Пока не было.

«Прекрати! Немедленно прекрати. Хватит этих дурацких мыслей. Ты ничего не знаешь. У тебя нет оснований так думать, нет доказательств. Может, это совпадение... Нелепое совпадение...»

Девушка попыталась пошевелиться, насколько это было возможно. У нее хрустели суставы, судорогой свело все мышцы. Как давно она провела в темноте? Часов десять? Двадцать? Она проголодалась, но не слишком, и потому решила, что, вероятнее всего, прошла только ночь. Возможно, сейчас еще утро. Если только чувства ее не обманывают. Сколько времени понадобится ее коллегам (*ну, или реально: окружению*), чтобы понять, что она пропала? Двадцать четыре часа. Около того.

«А потом? Как они меня найдут?»

Она подвигала затекшей челюстью и вытянула руки так сильно, что путы на запястьях впились в кожу. Она быстро поняла, что

не сумеет высвободить руки — пластиковый хомут был слишком крепким, его затянули так сильно, что ладони словно приклеились друг к другу. Все вокруг тоже не внушало ей никакого оптимизма. Нигде ни единого лучика света. Ее или замуровали где-то глубоко под землей, в подполе, или бросили в абсолютно герметичную камеру. В любом случае она понимала, что кричать бесполезно — ее никто не услышит, по крайней мере, никто, кто мог бы помочь.

Что с ней теперь будет? Почему она здесь оказалась? Думать, что все закончится хорошо, слишком наивно: хотя она и признавала за собой множество недостатков, простодушия среди них точно не было. Больше не было.

Никто не стал бы так рисковать, не разработал бы столь тщательный план, если бы не ставил перед собой четкую цель, не имел серьезных, зловещих мотивов. Не стоит закрывать глаза на правду. Рано или поздно дверь откроется и случится нечто ужасное.

Лудивина Ванкер заглушила рыдания, поднимавшиеся из глубины горла. Она продержалась все это время не для того, чтобы теперь сломаться. Этого она не допустит. Она работала в Отделе расследований парижской жандармерии, сталкивалась с самыми жуткими извращениями, живущими на территории Франции, а порой даже за ее пределами, великолепно стреляла из табельного оружия, в рукопашном бою регулярно отправляла в нокаут парней в два, а то и в три раза крупнее, чем она сама, бегала по несколько раз в неделю, чтобы стать еще выносливее: после всего, что выпало на ее долю, ее дух был крепче, чем закаленная сталь. Нет, она не даст себе сломаться. Не сейчас. Она не может себе этого позволить.

И все же, несмотря на яростные усилия сдержать слезы, она почувствовала, как они потекли у нее по щекам. Лудивина ничего не могла с этим поделать. Она долго пряталась за непроницаемой броней, не позволяла себе никаких проявлений чувств, но недавно все же решила сорвать с себя эту вторую кожу, признать, что это была лишь маска, открыться миру и эмоциям. Постепенно она научилась быть обыкновенной женщиной своего возраста и отдаваться во власть сладкой эйфории, которую дарят простые радости жизни. Ей нравилась та, в кого она превратилась. Тридцатилетняя женщина, у которой есть все. Все это не могло просто так исчезнуть.

Страх медленно проламывал панцирь ее сопротивления. Лудивина злилась на себя за это. Раньше она смогла бы контролиро-